

III

ли весна 45-го года, конец войны. Ярко светило солнце, оживала природа, пели птицы. После девятимесячной срочной учебы и благополучного окончания летного военного училища мы, вчерашние мальчишки и сегодняшние летчики — лейтенанты, после тщательного медицинского осмотра и политических проверок на военно-транспортном самолете были направлены для прохождения службы в действующую воинскую часть N. Перелет был быстрый, и мы сразу оказались в прифронтовой полосе. Молодых, безусых асов скептически и с изрядной долей иронии встречало все командование авиаполка. Знакомство и представление было начато в торжественном виде на плацу и продолжено в офицерской столовой за рюмкой чая. Казалось, о войне здесь ничего не напоминает, но кое-где чернели воронки от снарядов и авиабомб, стояли скелеты обгоревших зданий, валялись горы строительного мусора, да иногда понурой обреченной толпой в сопровождении охраны с собаками проходили военнопленные.

О войне мы знали только из книжек, газет да лент кинохроники. Она всегда казалась нам далеко и не более чем рискованной мальчишеской игрой. Мы находились в том нежном романтичном возрасте, когда на мир смотришь сквозь розовые очки,

когда счастливые надежды и мечты переполняют тебя, и кажется, что жизнь бесконечна и нет никаких земных или небесных препятствий, которых ты не смог бы преодолеть. Проблемы жизни и смерти нас будто не касались. Никто не думал о вероятных ранениях или гибели в бою. О невозможности этого, казалось, пели весна и оживающая природа. Счастье жизни, так или иначе, переполняет душу молодого человека, отрывая его от реальности происходящих событий.

Но на войне как на войне. С корабля да на бал. Сразу по прибытии в воинскую часть немедленно и бесповоротно на наши юные головы и плечи легла основная тяжесть ведения боевых действий. На войне взрослеют стремительно и быстро. Уже через неделю службы юное пополнение полка опустилось с романтических небес на обильно политую свинцом и кровью землю, краски жизни сгустились и несколько померкли. Вскоре мы знали всех летчиков в полку по именам, а сделав несколько удачных боевых вылетов, почувствовали себя старожилками. Мы, восемнадцатилетние юнцы, любили и берегли свои курносые «Илы», заражались настроением весны и победы и с гордостью делали опасную боевую работу, стремясь походить на своих друзей — ветеранов войны, старше нас на целых четыре-пять лет, но уже прославившихся на небесных фронтовых трассах.

По репродуктору звучали победные сводки Совинформбюро и полковая любимая:

Синенький, скромный платочек
падал с опущенных плеч...

Наш авиаполк стоял в Румынии, в окруженном старыми садами курортном городке на базе бывшего румынского летного училища. Авиация у румын была привилегией богатого дворянского сословия, поэтому училище носило в себе черты тщеславного архитектурного барокко и внутренней экзотической помпезности. Летчики обосновались в двухместных номерах сохранившейся двухэтажной гостиницы. Наземный же персонал жил в казармах, пристроенных полукругом к большому плацу, где периодически случались построения для объявления приказов по авиаполку, разносков или вручения боевых наград. Рядом были кухня и большая столовая, а за ними, сквозь яблоневые сады и виноградники, виднелась ярко-голубая гладь Дуная. С другой стороны плаца находилось летное поле, на котором стояли наши боевые птицы, закрытые защитной сеткой и мишурой. Отдельно располагались КПП, склады оружия, цистерны с горючим и спортивные снаряды в виде турникета, брусев, высокого спортивного шеста и тяжелой штанги с блинами. Территория авиаполка была загорожена старой дырявой оградой, у которой стояли посты охранения.

Ты говорила, что не забудешь
ласковых, радостных встреч...

Летный состав авиаполка был молодой за счет боевых потерь и, соответственно — регулярного молодого пополнения из военных училищ. Летчики — это боевая элита части. Они держались задиристым особняком, были в курсе последних военных и политических событий, смаковали подробности боевых вылетов и, вообще, знали нечто такое, чего никто не знал. В свой круг летчики никого не пускали, у них был свой юмор, жаргон, приколы и особый летчицкий шарм. Летчиков, и меня в том числе, фашисты называли «ангелами смерти», потому что мы имели юные ан-

гельские лица, ходили в униформе с небесно-голубыми околышами, служили на небе, откуда на землю посылали огонь, кровь и смерть. Ангелы каждый день делали боевые вылеты, часто получали боевые награды, но и дружили со смертью. Старослужащие негласно, за глаза, называли нас смертниками. Мы прекрасно их понимали. Смерть находила слабые места в военной подготовке ангелов и жестоко их била, не щадя юность, честолюбивые планы и смелые ожидания. Вокруг летчиков была атмосфера героизма и почитания. Они были на короткой ноге с командованием, с ними считались все, даже в «Смерш», им многое прощалось в отличие от наземной obsługi. Питались летчики в офицерской столовой вне зависимости от воинского звания и положения в полку. Кормили для войны очень хорошо. Каждый день нам давали масло, сыр, консервы, шоколад, сгущенку. В столовой на каждом столе стояла бутылка водки на четырех человек — наркомовские 100 граммов. Я никогда так не ел ни до войны, ни в послевоенные годы. Все понимали, что от летчиков зависят прямые результаты боевых действий, да и исход войны. Обслуга кормилась намного хуже. Шоколад мы припрятывали, чтобы при случае угостить какую-нибудь румынскую девчонку и завязать с ней знакомство. Два раза в неделю, а также после успешных боевых вылетов нам разрешались выходы в город, где мы знакомились с румынками, отдыхали с ними в кафе за бутылкой сладкого виноградного вина и, что греха таить, нередко навязывались к ним ночевать. Никто не строил серьезных отношений, так как они были обременительны и мешали военной службе. Девушки это понимали и не питали больших иллюзий в отношении себя. Местное население воспринимало нас как победителей и устроителей нового порядка.

В городе находилась военная комендатура, работал «Смерш». Невидимая железная рука военных и гражданских инструкций и приказов контролировала жизнь. Нарушителей ждали ГУЛАГ и в особых случаях расстрел. Впрочем, жизнь в городе, казалось, нас не касалась. В полку царил дух подвига, бесстрашия, чести и взаимовыручки. Все рвались в бой, чтобы раз и навсегда покончить с Гитлером, его военной машиной.

Письма твои, получая,
слышу я голос родной...

«Илы», на которых мы воевали, были самолетами штурмовой авиации, называли их летающими танками. На боевые вылеты летчиков провозжали начальник штаба полка, замполит, зампотех и уполномоченный «Смерша». Они же затем и встречали их на летном поле. Вылетали мы звеньями или эскадрильями. За выполнение боевого задания спрашивали строго. В отчетах указывалось все, в том числе о боевых потерях противника, техническом состоянии самолета, оружия, поведении летчиков в бою. Если кто-то проявлял слабохарактерность или трусость, того приглашали на беседу в «Смерш» для объяснения и выявления особых обстоятельств боевого вылета. Все случаи невыполнения боевого задания и приказа командования тщательно изучались, проводился их анализ с последующими организационными выводами. При особой важности задания летчиков провозжал и встречал сам командир полка, который лично инструктировал экипажи и требовал отчет о проделанной боевой работе. Некоторые летчики после возвращения из полета неожиданно исчезали. Говорили, что их направили на командирские курсы или перевели в другую воинскую часть. Других бурно чествовали, ставили в пример и награждали. Погибших награждали посмертно и хоронили согласно во-

енному ритуалу с оружейным салютом и спуском боевого Красного Знамени. Хоронить, по известным причинам, чаще приходилось обгоревшие останки летчиков, чем сами тела.

К смерти привыкли все, поэтому церемонии прощания с погибшими проходили деловито и быстро. Если самолет не возвращался с задания, летный экипаж объявлялся пропавшим без вести, хотя все понимали, что шансов увидеть летчиков живыми нет. Впрочем, случались и счастливые исключения, которые воспринимались не иначе, как обыкновенное чудо.

В полку работала целая система боевой подготовки, поощрения, отбора и укрепления боевого духа летного состава. Это касалось и наземной службы. Одними пушками войну выиграть было нельзя!

И между строчек синий платочек...

Ко мне в номер гостиницы подселили старшину. Он был угрюмый, большой, с седой головой, выцветшими глазами и руками-лопатами. Старшина, как дряхлый старик, сутулился, ходил в застиранной гимнастёрке и старых кирзовых сапогах. Говорил же мало, чаще молчал. О нем говорили, что он всю войну партизанил, и у него погибла семья. В нагрудном кармане он носил семейную фотографию, которую часто доставал, смотрел на лица жены и детей, затем мрачнел, уединялся и отмалчивался. Он был намного старше нас, не выносил шумного веселья, пустой болтовни, шуток и юношеской бравады. Служил он где-то в хозчасти, был на хорошем счету, аккуратен и надежен. Впрочем, меня никогда не интересовала его трагическая судьба и тем более служба. Я был влюблен в небо, авиацию, женщин, был горд своим положением «ангела» в полку, витал в облаках и никого вокруг себя не замечал.

При старшине была немецкая овчарка Альма. Говорили, что старшина прошел с ней всю войну. Она связывала его с воспоминаниями о прошлой жизни, погибшей семье и была ему верным боевым другом. Старшина отдавал овчарке ту часть своей израненной души, которую от других прятал. Он говорил с ней, ласкал и гладил, выгуливал и никогда не расставался. Альма была похожа на своего хозяина, — такая же большая, неласковая и злобно-ворчливая. Она не доверяла никому, кроме старшины, и на его любовь отвечала собачьей преданностью. Овчарка понимала его с полуслова и полувзгляда, его настроение всегда передавалось ей. Она слушала только своего хозяина. Старшина настоял у командира, чтобы Альма, в виде исключения, жила с ним в гостиничном номере. По непонятным для меня причинам ему это разрешили, — может быть, по причине его особых заслуг перед полком, известной семейной трагедии и дани почтенному возрасту.

Овчарка с первого дня меня невзлюбила, впрочем, как и ее хозяин. Им не нравилось, что я привносил беспорядок в их жизнь, что юношеские бравада, смех и веселье лились у меня через край. Ко мне постоянно стучали в номер полковые друзья, зовя на различные вечеринки в соседние номера гостиницы, где мы весело проводили время, болтали чепуху, курили, пили игристое румынское вино и слушали на патефоне гражданские и военные песни. В моем номере хозяин собираться не разрешал.

Чувствую рядом, с любящим взглядом
ты постоянно со мной...

Одевался я, в отличие от старшины, с иголки, не забывал осмотреть себя в зеркало, лицо освежал одеколоном, ходил в новой гимнастёрке и

хромовых сапогах, всегда с военной выправкой и известным фасоном, пританцовывая и любуясь собой. На мой взгляд, я пользовался известным успехом у женщин. Сапоги я густо мазал гуталином, запах которого овчарка не переносила. К тому же они музыкально скрипели, что ее напрягало, и она начинала рычать. После вечеринок и нередко навеселе я шумно возвращался в свой номер, чем вызывал у овчарки приступы глухой злобы. Глаза ее горели, она злобно скалила зубы и, казалось, готова была меня разорвать. Я входил в элиту армии, был горд и честолюбив, свысока относился к наземной службе в полку, и мне было глубоко плевать на овчарку и ее хозяина! Они это чувствовали и тайно ненавидели меня.

Я пытался внушить старшине, что место его овчарки в собачьем зверинце, на что старшина безмолвствовал и тупо смотрел сквозь меня. Жаловаться на него наверх мне не разрешали понятия офицерской чести. Старшина также, видимо, считал, что ему не пристало отрывать начальство от текущих дел. Напряжение в наших отношениях нарастало. Старшина холодно смотрел на мои выпады в его сторону и делал вид, что не видит меня в упор. Все это выводило меня из себя, самолюбие мое сильно страдало. Тяжелое присутствие овчарки нарушало мой сон, я опасался ночью закурит, открыть форточку или пройти мимо нее в уборную. К тому же в номере, несмотря на мои ежедневные одеколонные ванны и регулярное проветривание, обосновался постоянный запах псины!

Время текло тоскливо и медленно в ожидании приказа о наступлении.

Ангелы рвались в бой, уверенные в успешном исходе любого сражения. Юность не принимает возможности неудачи, несчастья или трагедии, все представляется ей в радужном цвете приключения или недоразумения. Молодым казалось, что они не успеют получить свои ордена, они завидовали героям войны, числу их подвигов, боевым наградам и военным приключениям, в которых они побывали и вышли с честью. Все в полку рассказывали документальные истории военных батальи и описывали подвиги летчиков. Герои войны ходили рядом. С ними можно было поздороваться за руку и поговорить. Все казалось так просто и буднично, что, будь ангелы на их месте, они, конечно, тоже бы не растерялись и стали героями. Впрочем, герои войны вели себя очень скромно и совсем не считали себя героями, — просто им больше повезло в бою и жизни.

Как провожала и обещала
синий платочек сберечь...

Однажды, придя в номер, я увидел, как Альма с остервенением грызет мои хромовые сапоги. Старшина смотрел на это равнодушно и нарочито зевал. На мой гнев старшина пробурчал, что не намерен следить за моими личными вещами. Причем, он не смог сдержать своей обычной мрачной улыбки! Я закипел, как тульский самовар, и объявил ему, что пристрелю его псину. На это старшина невозмутимо заявил, что тогда я получу от него пулю в лоб и мне можно уже сегодня заказывать для себя гроб. Он бросил на меня полный ненависти взгляд, и у меня не возникло ложных иллюзий на свой счет. Я был уверен, что он без колебаний пристрелит меня. Все это привело меня в бешенство. Я схватился за кобуру, пистолет, но вовремя сдержался. Старшину же, казалось, все забавляло. Он издевательски смотрел сквозь меня и угрожающе-снисходительно улыбался. Это еще больше выводило меня из себя. Я заметался, как раненый

зверь. Возможно, он мстил мне за свою трагическую судьбу, за мои дерзость, высокомерие и гонор, считая меня честолюбивым выскочкой и баловнем судьбы. В номере находились два ненавидящих друг друга вооруженных человека, которых разделяла огромная собака. Долго так продолжаться не могло, и я стал строить планы, как разрешить неожиданный конфликт.

Ты говорила, что не забудешь...

Я решил пристрелить овчарку, и пусть будет, что будет. Я был ожесточен и подготовлен к войне. Малодушие «ангелы» себе не прощали. Нужно было все просчитать, прежде чем начать действовать, но разве юность умеет считать, когда она спешит жить! Все получилось по-мальчишески стихийно и быстро. Было ясное утро, по молодой траве бегали солнечные зайчики, в воздухе плыл аромат цветущей зелени. Как обычно, перед завтраком, после короткой разминочной пробежки я с «ангелами» занимался физическими упражнениями в спортивном уголке. Я находился наверху турника, откуда было видно, как старшина повел из гостиницы выгуливать собаку. Она бежала впереди него, он деловито и размашисто шел сзади. Недолго думая, я спрыгнул с турника, достал «ТТ» и сделал два выстрела. Овчарка взвизгнула, покатила кубарем по траве и замерла. Старшина тенью бросился к ней. Увидев, что она мертва, он гневно выхватил пистолет и направил его на меня. В ответ я направил дуло «ТТ» ему в голову. Он торопливо выстрелил, и пуля чиркнула у моего виска. По его бледному, растерянному лицу я понял, что он больше стрелять не будет, поэтому положил пистолет в кобуру, развернулся и пошел прочь. Никто из «ангелов» не понял, что произошло, но боковым зрением я видел, что они быстро забрали у старшины пистолет, и слышал его долгие вопли то ли рыданий, то ли гнева.

В эту ночь я не могу уснуть, много курил и с тревогой ждал старшину. Ночевать он не пришел. Я слышал, что его арестовали и долго допрашивали в «Смерш». А затем он исчез. О дальнейшей его судьбе я ничего не знаю, наши фронтовые пути-дороги разошлись. Меня также допрашивали в «Смерш», со мною долго беседовали командир полка и замполит, пытаюсь понять мотивы моего поступка. Как я уже говорил, летчики в полку, и я в том числе, были на особом счету, нам многое прощалось, потому что мы были «ангелы смерти», боевая элита части. Разбираться в нашем конфликте со старшиной у начальства не было ни времени, ни желания, тем более что утром объявили Приказ Верховного Главнокомандующего о решающем наступлении на нашем участке фронта. Начались тяжелые кровопролитные бои, где я проявил присущие мне максимализм, решительность и смелость. Дело быстро замяли, к тому же пришел указ о награждении меня первой боевой наградой. Наверх было отписано, что никакого конфликта в части не было, просто я пристрелил взбесившуюся собаку. И поделом!

...Что не забудешь памятных
ласковых встреч...

В дальнейшем мне пришлось участвовать с полком во многих боевых сражениях, в том числе и с оружием брать Берлин. Долгожданный День Победы, проходивший с праздничными салютами, я встречал уже в звании капитана и как ветеран полка!

Прошло много лет. Я часто вспоминаю войну, родной авиаполк, вижу себя за штурвалом ревущего штурмовика, давящего на гашетку, огонь вокруг, взрывы, встающую на дыбы землю, в панике разбегающихся людей, их обезумевшие от ужаса лица. И среди этого множества лиц я вдруг узнаю бледное, растерянное лицо того старшины! Прав ли я был тогда? Не знаю. Но всегда в День Победы, за праздничным столом и с фронтовыми ста граммами, как пресловутую ложку дегтя к бочке меда я испытываю непреходящие чувства горечи, стыда и вины, будто я тогда совершил большую подлость! Звучит, как всегда, полковая любимая:

Синенький, скромный платочек
падал с опущенных плеч.

